

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-391-396

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

СОВИНА Анна Рудольфовна,
Ассистент кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: rudolfovna15@mail.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ, ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые подходы к использованию электронных доказательств в гражданском судопроизводстве. Показано, что цифровизация процесса доказывания изменила не только способы фиксации фактических данных, но и требования к их относимости, допустимости и достоверности. Особое внимание уделено соотношению электронных документов, скриншотов, аудио- и видеозаписей, сведений из информационных систем и переписки в мессенджерах. Обосновывается вывод о том, что электронное доказательство не должно оцениваться по формальному признаку цифровой формы, а подлежит проверке с учетом источника происхождения, целостности, идентификации отправителя и наличия технических подтверждений неизменности данных.

Автор выражает надежду на то, что при реализации указанных мер правовое регулирование сможет перейти от фрагментарной адаптации к устойчивой модели, в которой электронные доказательства будут оцениваться по единым правилам, а не по степени убедительности их внешнего отображения, что в перспективе повысит предсказуемость судебных решений и укрепит доверие к гражданскому судопроизводству

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, цифровизация правосудия, относимость доказательств, допустимость доказательств, электронный документ.

SOVINA Anna Rudolfovna,
Assistant Professor, Department of Civil Law,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: LEGAL REGIME, LIMITS OF ADMISSIBILITY, AND AREAS FOR IMPROVED REGULATION

Annotation. This article examines legal approaches to the use of electronic evidence in civil proceedings. It demonstrates that the digitalization of the evidence process has changed not only the methods for recording factual data but also the requirements for its relevance, admissibility, and reliability. Particular attention is paid to the relationship between electronic documents, screenshots, audio and video recordings, information from information systems, and instant messaging. It is concluded that electronic evidence should not be assessed based on the formal characteristic of its digital form, but rather should be verified based on its source of origin, integrity, sender identification, and the availability of technical evidence of data immutability.

The author expresses hope that, with the implementation of these measures, legal regulation will be able to move from fragmented adaptation to a sustainable model in which electronic evidence will be assessed according to uniform rules, rather than by the persuasiveness of its external presentation. This will ultimately increase the predictability of court decisions and strengthen trust in civil proceedings.

Key words: electronic evidence, civil procedure, digitalization of justice, relevance of evidence, admissibility of evidence, electronic document.

Введение

Цифровизация гражданского оборота изменила не только форму общения участников правоотношений, но и содержание судебного доказывания, поскольку значительная часть юридически значимых фактов теперь фиксируется не на бумажном носителе, а в электронной среде. Переписка по электронной почте, сообщения в мессенджерах, сведения из личных кабинетов, автоматизированные журналы операций, записи камер, файлы с аудио- и видеозаписями, скриншоты веб-страниц и иные цифровые материалы фактически стали обычным источником информации для суда. По этой причине вопрос состоит уже не в том, следует ли допускать такие материалы в процесс, а в том, по каким правилам их следует идентифицировать, проверять и оценивать.

Материалы и методы исследований

Статистика, приведенная Е.В. Бурдиной в монографии «Электронное правосудие» [7], показывает, что в федеральные суды общей юрисдикции в 2017 году в электронном виде поступило около 280 тыс. процессуальных документов, в 2018 году почти 700 тыс., а в 2019 году более 1 млн.; в арбитражные суды в том же периоде было подано около 300 тыс., затем чуть менее 400 тыс. и почти полмиллиона документов соответственно [7]. Такой рост свидетельствует о том, что цифровой формат уже не является исключением и требует системного правового режима, который должен быть выстроен не по аналогии с традиционным письменным доказательством, а с учетом особенностей электронной фиксации и электронного обращения данных [7].

Правовую основу оценки цифровых материалов формируют прежде всего Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ) [1], Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее — Федеральный закон № 149-ФЗ) [2], Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (далее — Федеральный закон № 63-ФЗ) [3] и Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ (далее — Федеральный закон № 220-ФЗ) [4]. Уже в статье 55 ГПК РФ [1] доказательства определяются как сведения о фактах, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обо-

сновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела.

Это общее определение не выделяет электронные данные в самостоятельный источник доказательств, и именно в этом состоит первая нормативная особенность: закон допускает цифровые материалы не по их форме, а по способности отражать юридически значимые факты. Дополнительное значение имеет статья 67 ГПК РФ [1], закрепляющая принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда, а также статьи 56, 59 и 60 ГПК РФ [1], из которых следует обязанность сторон доказывать обстоятельства, относимость и допустимость доказательств.

В свою очередь статья 71 ГПК РФ [1] относит письменные доказательства к подлинникам или надлежащим образом заверенным копиям и прямо указывает, что если копии документов представлены в суд в электронном виде, суд может потребовать представления подлинников этих документов. Однако указанная формула рассчитана главным образом на документы, имеющие бумажный первоисточник, и потому не решает вопроса о цифрово-рожденных данных, у которых отсутствует классический оригинал; это является одной из наиболее заметных неточностей действующей модели.

Именно в этом смысле Федеральный закон № 149-ФЗ [2] и Федеральный закон № 63-ФЗ [3] выполняют вспомогательную, но принципиально важную функцию. Федеральный закон № 149-ФЗ [2] в статье 2 закрепляет понятия информации, информационных технологий и информационной системы, тем самым формируя базовый понятийный аппарат, без которого невозможно определить, что именно следует считать электронным доказательством как объектом правовой оценки.

При этом сам закон не устанавливает процессуального стандарта достоверности цифровых данных, не регулирует порядок проверки метаданных и не отвечает на вопрос о том, в какой момент цифровая запись становится юридически значимым носителем сведений. Федеральный закон № 63-ФЗ [3], напротив, решает задачу юридической идентификации: его статьи 5, 6 и 11 связывают электронный документ и электронную подпись с возможностью признания такого документа равнозначным бумажному при соблюдении установленных условий.

Тем не менее и здесь видна определенная ограниченность регулирования: закон исходит из презумпции надежности электронной подписи как средства подтверждения волеизъявления, но не

охватывает большую часть электронных материалов, которые используются в судебном процессе без подписи, например переписку в мессенджерах, скриншоты, записи экрана, данные из облачных сервисов и автоматические логи. Следовательно, применительно к гражданскому процессу юридическая сила цифрового материала зависит не только от подписи, но и от совокупности признаков, позволяющих установить источник, неизменность и связь данных с конкретным фактом.

Результаты и обсуждения

Существенное влияние на практику оказал Федеральный закон № 220-ФЗ [4], поскольку именно он создал предпосылки для использования электронных документов в деятельности органов судебной власти и для включения цифровых форм обращения в процессуальный оборот. Однако этот закон также не устранил основной проблемы: он обеспечил возможность передачи документа в электронном виде, но не сформировал универсальный критерий оценки его доказательственной силы.

Иными словами, законодатель решил вопрос приема цифрового материала судом, но не дал исчерпывающего ответа на вопрос, как отличить надлежащий цифровой источник от технически изготовленного макета. Здесь особенно заметно различие между допуском документа в процесс и признанием его достоверным. Документ может быть принят через электронный сервис, но это еще не означает, что сведения, содержащиеся в нем, автоматически подлежат использованию как доказательство без дополнительной проверки. Именно поэтому в доктрине справедливо указывается на необходимость разграничивать электронный документ как форму и электронное доказательство как процессуально значимое сведение о факте [11].

Подзаконное регулирование в данной сфере представлено, в частности, Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (далее — Приказ № 251) [5] и Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (далее — Приказ № 252) [6]. Указанные акты имеют прикладное значение, поскольку определяют технический формат подачи, требо-

вания к вложениям, порядок подписания и правила функционирования электронного взаимодействия с судом. Вместе с тем их предмет регулирования ограничен процедурой подачи документов и не распространяется на весь цикл оценки электронных материалов. Это означает, что порядок приема и порядок доказывания в нормативном смысле не совпадают: электронный документ может соответствовать формату, установленному Приказом № 251 [5] или Приказом № 252 [6], но при этом оставаться недостаточно убедительным с точки зрения статьи 67 ГПК РФ [1]. Такая конструкция порождает практическую асимметрию: техническая пригодность файла начинает восприниматься как косвенное подтверждение его подлинности, хотя в действительности это лишь условие допуска в систему судопроизводства.

В гражданском процессе наибольшие затруднения вызывает доказательственная сила материалов, которые не имеют очевидного носителя правовой формы. Речь идет прежде всего о скриншотах переписки, снимках веб-страниц, изображениях экрана мобильного устройства и копиях сообщений из мессенджеров. Формально такие материалы могут быть отнесены к письменным доказательствам в силу статьи 71 ГПК РФ [1], однако такая квалификация не снимает вопросов об их происхождении и неизменности. Скриншот фиксирует лишь визуальное отображение на конкретный момент времени, но не подтверждает сам факт существования исходного сообщения, его адресата, автора, времени создания и возможного последующего редактирования. В отличие от электронного документа, подписанного квалифицированной электронной подписью, здесь отсутствует встроенный механизм удостоверения подлинности. Поэтому суд, оценивая подобный материал, вынужден обращаться к совокупности дополнительных признаков: сопоставлять его с данными оператора связи, перепиской сторон, банковскими операциями, журналами входа в учетную запись, сведениями о доменном имени сайта, протоколом осмотра страницы и иными подтверждениями [9]. В данном вопросе особенно показателен подход, изложенный в работах Ж.В. Эстерлейн [12] и Л.В. Зайцевой, Н.В. Суховой [11], где подчеркивается, что электронный документ не следует смешивать с простым изображением интерфейса, поскольку процессуальная ценность последнего определяется не внешним видом, а возможностью установить его связь с первоисточником.

Статья 77 ГПК РФ [1], регулирующая аудио- и видеозаписи, также подтверждает, что законодатель признает существование цифровых средств

фиксации фактов, однако не формулирует специальные критерии их подлинности. Между тем именно в этой сфере техническая проверка особенно важна: запись может быть смонтирована, сокращена, озвучена заново или включена в иной контекст. Если при оценке письменного документа суд ориентируется на текст и реквизиты, то при оценке аудио- и видеозаписи необходимо исследовать не только содержание, но и обстоятельства создания файла, носитель, формат, дату формирования, признаки монтажа и возможную связь с иными материалами дела. В этом смысле статья 79 ГПК РФ [1] о назначении экспертизы приобретает особую значимость, поскольку без специальных знаний установить достоверность цифровой записи часто невозможно. Практика показывает, что именно экспертиза позволяет ответить на вопросы о наличии редактирования, о целостности файла, о соответствии звукового ряда исходному источнику и о наличии цифровых следов изменения. Следовательно, электронные доказательства не должны оцениваться изолированно; они требуют процессуального сочетания правового анализа и технической проверки, а при сомнении — использования специальных знаний.

Статистические данные, приведенные Е.В. Бурдиной [7], подтверждают, что суды уже работают в условиях массового электронного документооборота, и потому спор о допустимости отдельных цифровых материалов нельзя рассматривать как теоретический. В 2019 году в арбитражных судах аудиозапись судебных заседаний имела в 1 131 978 делах, видеозапись — в 214 637 делах, а системы видеоконференц-связи были использованы при рассмотрении 5,7 тыс. дел, что составило 0,3 процента от общего числа дел в этой инстанции; в судах общей юрисдикции за тот же период видеоконференц-связь применялась при рассмотрении 50 800 дел по правилам первой инстанции в порядке гражданского и административного судопроизводства [7]. Эти цифры важны не сами по себе, а как свидетельство того, что цифровое доказательство давно стало частью повседневной судебной практики. При столь высоком объеме электронного взаимодействия недостаточность нормативной детализации начинает влиять уже не только на отдельные споры, но и на единообразие правоприменения. Именно поэтому оценка электронных доказательств должна опираться на ясные критерии: способ получения, техническая неизменность, идентификация источника, наличие связи с юридически значимым событием и возможность воспроизведения в суде без искажения содержания [10].

Вопрос о допустимости цифровых материалов тесно связан с происхождением информации

и законностью ее получения. Если доступ к переписке был получен без согласия владельца учетной записи, с нарушением режима персональных данных или путем неправомерного вмешательства в информационную систему, то такое доказательство не должно приобретать преимущество лишь по той причине, что оно содержит полезные сведения. В статье 55 ГПК РФ [1] установлено, что доказательства должны быть получены в предусмотренном законом порядке, а статьи 59 и 60 ГПК РФ [1] требуют, чтобы обстоятельства подтверждались относимыми и допустимыми доказательствами. Следовательно, даже достоверный по содержанию цифровой материал может оказаться процессуально неприемлемым, если способ его получения нарушает закон. В данном аспекте Федеральный закон № 149-ФЗ [2] имеет особое значение, поскольку в нем закреплена правовая режим информации и информационных систем, а также общий подход к защите информации от неправомерного доступа. Вместе с тем закон не содержит специальных последствий для процессуальной сферы, и потому вопрос о допустимости часто разрешается через общие нормы процессуального права. Такая ситуация создает пробел между материально-правовым режимом охраны информации и процессуальным режимом доказывания, который следует устранить путем более точной межотраслевой увязки.

Отдельного внимания заслуживает проблема соотношения оригинала и копии в цифровой среде. Статья 71 ГПК РФ [1] традиционно построена на представлении о подлиннике и заверенной копии, однако применительно к электронным материалам такая логика работает не всегда. Для бумажного документа оригинал и копия различимы визуально и физически, а для цифрового файла эта граница нередко является условной. Если файл существует только в электронной форме, то его «оригинальность» определяется не местом хранения, а совокупностью технических признаков: хэш-суммой, метаданными, сведениями о создании, неизменностью цепочки хранения и удостоверением подписью либо нотариальным протоколом. Именно поэтому формула статьи 71 ГПК РФ [1] о возможности истребования подлинников при представлении электронных копий нуждается в функциональном толковании: суд должен истребовать не «бумажный оригинал» цифрового материала, а тот носитель или ту систему, где зафиксирован первичный массив данных. Без такого подхода невозможно обеспечить полноценную проверку электронной переписки, онлайн-документов и динамического контента, поскольку их процессуальная природа отличается от классической письменной формы.

В научной литературе справедливо отмечается, что вопрос о цифровых доказательствах следует решать через критерий технологической идентичности источника, а не через механическое повторение бумажной модели [12].

Практическое значение имеет и то обстоятельство, что электронные доказательства нередко взаимодействуют с иными средствами доказывания. Переписка может подтверждать факт согласования условий, платежный документ — факт исполнения, аудиозапись — факт устного заявления, а сведения из информационной системы — факт регистрации или направления сообщения. При этом ни один из этих элементов по отдельности не всегда дает исчерпывающую картину. В результате суд вынужден выстраивать доказательственную конструкцию из нескольких цифровых и традиционных источников, сопоставляя их между собой. Такой подход соответствует статье 67 ГПК РФ [1], поскольку именно совокупная оценка позволяет установить внутреннюю согласованность доказательственной базы. Однако в реальности суды нередко предъявляют к цифровым материалам повышенные требования без ясного нормативного основания, особенно тогда, когда речь идет о распечатках переписки или о скриншотах. Это приводит к тому, что одна и та же категория доказательств в разных делах получает неодинаковую оценку. В доктрине подобная практика оценивается критически, поскольку она снижает предсказуемость судебной защиты и не отвечает принципу равенства процессуальных возможностей сторон [11].

На уровне судебной техники и организационного обеспечения важны не только законы, но и подзаконные акты, регулирующие подачу документов и работу электронных сервисов. Приказ № 251 [5] и Приказ № 252 [6] закрепляют правила использования электронных форм обращения в суд, технические требования к файлам и порядок отправки материалов через соответствующие информационные системы. Эти акты содействовали развитию электронного правосудия, однако они же выявили одну из методологических проблем отечественного регулирования: процедурная цифровизация опережает материально-правовое осмысление электронного доказательства. Суд способен принять документ, отправленный через личный кабинет, но не всегда имеет нормативно закрепленный алгоритм, по которому следовало бы проверить скриншот, электронную переписку или данные платформы. Вследствие этого практическая ценность подзаконного регулирования ограничена рамками приема и маршрутизации файлов. Для полноценного регулирования необходимо перейти от модели технической допустимости к модели доказательственной вери-

фикации, то есть к системе критериев, которые позволят оценивать не только формат файла, но и его доказательственную устойчивость.

Выводы

Итоговое рассмотрение позволяет сделать вывод, что действующая конструкция электронных доказательств в гражданском судопроизводстве развивается быстрее, чем ее нормативное оформление. С одной стороны, ГПК РФ [1], Федеральный закон № 149-ФЗ [2], Федеральный закон № 63-ФЗ [3] и Федеральный закон № 220-ФЗ [4] создали правовую основу для электронной формы обращения и использования цифровых материалов; с другой стороны, эти акты не выработали исчерпывающих критериев для оценки подлинности, неизменности и происхождения цифровой информации. На практике это приводит к тому, что суды применяют общие нормы о доказательствах к новым технологическим объектам без специального инструментария, а стороны процесса несут дополнительное бремя доказывания технических характеристик материала.

С учетом роста объемов электронного документооборота и расширения цифровых каналов коммуникации такая ситуация не может сохраняться длительное время, поскольку она снижает единообразие правоприменения и затрудняет реализацию права на судебную защиту [7]. В связи с этим представляется необходимым внести в ГПК РФ [1] самостоятельную норму об электронных доказательствах, закрепить легальное определение электронного доказательства и электронного оригинала, установить презумпцию достоверности электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, предусмотреть обязательную фиксацию метаданных при осмотре цифрового материала и расширить содержание Приказа № 251 [5] и Приказа № 252 [6] за счет специальных правил для переписки в мессенджерах, веб-страниц и файлов с динамическим содержанием. Дополнительно следует законодательно уточнить обязанность суда истребовать у операторов связи и владельцев цифровых платформ журналы операций и иные технические данные, необходимые для проверки подлинности, а также прямо связать результаты такой проверки с критериями допустимости и достоверности.

При реализации указанных мер правовое регулирование сможет перейти от фрагментарной адаптации к устойчивой модели, в которой электронные доказательства будут оцениваться по единым правилам, а не по степени убедительности их внешнего отображения, что в перспективе повысит предсказуемость судебных решений и укрепит доверие к гражданскому судопроизводству [10].

Список литературы:

- [1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
- [2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448.
- [3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.
- [4] Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 26 (ч. I). — Ст. 3889.
- [5] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. — 2017. — № 2.
- [6] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. — 2017. — № 2.
- [7] Бурдина Е. В., Зуев С. В. Электронное правосудие: монография / под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. — М.: РГУП, 2021. — 344 с.
- [8] Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 5. — С. 4–23. — DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.4.23.
- [9] Дружинкин Е. С. Электронное правосудие в России: некоторые итоги и перспективы развития // Вопросы экономики и права. — 2013. — № 11. — С. 35–40.
- [10] Зайцева Л. В., Сухова Н. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. — 2019. — Т. 9. — № 1. — С. 189–204. — DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-189-204.
- [11] Эстерлейн Ж. В. Особенности электронного документа как источника доказательств в гражданском процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2011. — № 2. — С. 161–165.

References:

- [1] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 46. - Art. 4532.
- [2] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection “//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 31 (part I). - Art. 3448.
- [3] Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ “On Electronic Signature “//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2011. — No. 15. - Art. 2036.
- [4] Federal Law of 23.06.2016 No. 220-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Use of Electronic Documents in the Activities of Judicial Authorities “//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2016. - No. 26 (part I). - Art. 3889.
- [5] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.12.2016 No. 251 “On Approval of the Procedure for Submitting Documents to Federal Courts of General Jurisdiction in Electronic Form, including in the Form of an Electronic Document “//Bulletin of Acts on the Judicial System. — 2017. — No. 2.
- [6] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation No. 252 dated 28.12.2016 “On Approval of the Procedure for Submission of Documents to Arbitration Courts of the Russian Federation in Electronic Form, including in the Form of an Electronic Document “//Bulletin of Acts on the Judicial System. — 2017. — No. 2.
- [7] Burdina E.V., Zuev S.V. Electronic justice: monograph/ed. E.V. Burdina, S.V. Zueva. - M.: RGUP, 2021. - 344 s.
- [8] Stepanov O. A., Pechegin D. A., Dyakonova M. O. On the issue of digitalization of judicial activity// Law. Journal of the Higher School of Economics. — 2021. — No. 5. - S. 4-23. — DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.4.23.
- [9] Druzhinkin E. S. Electronic justice in Russia: some results and development prospects//Issues of economics and law. — 2013. — No. 11. - S. 35-40.
- [10] Zaitseva L.V., Sukhova N.V. Electronic evidence in civil proceedings: issues of procedural evidence//Bulletin of the civil process. — 2019. - VOL. 9. — No. 1. - S. 189-204. — DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-189-204.
- [11] Esterlein J.V. Features of an electronic document as a source of evidence in a civil trial//Bulletin of Perm University. Legal sciences. — 2011. — No. 2. - S. 161-165.